

«Мне есть кем гордиться!»

Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой.
И глаза молодых солдат
С фотографий увядших глядят...
Агранович Е.

Наступил февраль - месяц мужества, смелости, отваги. Девочки из класса готовили поздравления для нас, мальчишек, и объявили конкурс фотографий «Маленький Я». Фотографии нужно было принести на конкурс до 20 февраля, но я совсем забыл про них. Перед тем как выйти из дома, мой друг напомнил мне о снимке. Торопясь, я стал искать альбом со старыми фотографиями, взяв в руки первые попавшиеся, увидел пожелтевший от времени старый снимок, с которого глядел на меня пронзительным взглядом мужчины средних лет.

Я не знал, кто изображен на фотографии, но его серьезный взгляд меня заинтересовал. Передо мной предстал образ уже немолодого мужчины, мужчины-ветерана. На нем был надет коричневый пиджак, а грудь украшали многочисленные государственные награды и значки. Трудно различить, что это за награды,

но их было много. Сложно сказать, когда именно была сделана эта фотография, но, безусловно, уже спустя какое-то время после войны, потому что лицо солдата умиротворенное, а во взгляде читалась уверенность и спокойствие. Рассматривая фотографию, я совсем забыл про время, поэтому и опоздал в школу.

Сидя на последних уроках, у меня из головы не выходил этот снимок. Кто же тот мужчина, который воевал на войне? Видимо, это наш родственник, если этот снимок хранится в нашем семейном альбоме.

Вернувшись домой, я спросил у мамы о фотографии. Она посмотрела на меня и предложила сесть поудобнее на диван. Взяв из шкафа альбом с этой фотографией, она замолчала и посмотрела с такой любовью на старый снимок. Видя мои удивленные глаза, мама неторопливо сказала:

- Это твой прадедушка, мой дедушка, Романенко Андрей Яковлевич.

Я знал, что моего прадеда звали Андрей, знал, что он умер за год до моего рождения и что воевал на фронте, но я никогда не видел его на фотографии. Я попросил маму рассказать о прадедушке побольше, но она молча достала из альбома с фотографиями два пожелтевших печатных листа и передала их мне, сказав, что это автобиография дедушки, которую он писал для нас, правнуков, его потомков, чтобы мы помнили о нем.

Я молча взял в руки эти пожелтевшие листы и, укутавшись в теплое одеяло, стал внимательно читать. «Я, Романенко Андрей Яковлевич родился в 1917 году в семье служащих в городе Темире Актюбинской области Казахской ССР».

Мне стало интересно, что написано дальше. Вчитываясь в печатный текст, я узнал, что в 1926-м году мой прадедушка поступил в начальную школу, окончил которую в 1930-м году. В этом же году поменял место жительства, переехав в Киргизскую ССР. В 1937-м году в городе Токмак Андрей Яковлевич окончил 10 классов средней школы и поступил в киргизский государственный педагогический институт на факультет естественных наук, который окончил в июле 1941 года. Получается, что мой прадед закончил институт, когда фашисты ворвались в нашу страну. У меня замерло сердце. Что же было дальше? Я, всматриваясь в каждую печатную букву, продолжил читать более внимательно автобиографию деда. «По окончании ВУЗа 13 июля 1941 я был направлен в Академию Военно-Химической Защиты Красной Армии в городе Москва в качестве слушателя. Прочувшись по ускоренной двухгодичной программе до декабря месяца в Отделе кадров Военно-Химического управления города Куйбышев, мне было присвоено звание «лейтенант», и я направлен начальником Химической службы Отдельного Дивизиона бронепоездов, сформированного в городе Красноярске. Так как личного и командного состава дивизиона еще не было, на меня возложили обязанности Начальника Штаба и формирования части. В конце января 1942 года мы получили новую штатную расстановку, в которой не оказалось Начальника Химической службы, таким образом, я оказался вне штаба и был срочно отозван в Отдел Кадров Сибирского Военного Округа, откуда направлен Начальником Химической Службы в сформированное соединение - 145 отдельную курсантскую стрелковую бригаду».

С каждым словом мне становилось все интереснее изучать биографию прадеда, я был удивлен и даже слегка обескуражен тем, что мой прадедушка был офицер, а потом я узнал, что в марте 1942 года соединение выехало на фронт и 12 апреля влилось в действующую на Северо-Западном фронте 11 Армию, в составе которой прадед провоевал до 23 августа 1942 года. 23 августа, отойдя в распоряжение фронта, его батальон был экстренно пополнен и отправлен на оборону южного берега озера Ильмень, где они пробыли до половины сентября, а с сентября вновь находились на формировании в Московской области в городе Загорск, откуда в первых числах января 1934 года выехал на Калининский фронт, в котором действовал в составе 3-й ударной армии.

Мой прадед во время наступления 20 января 1943 года был тяжело ранен множественными осколками вражеского снаряда, вылетевшего из шестиствольного миномета. Также я узнал, что он после армии работал в органах МВД и КГБ. А с ноября 1955 года работал офицером химзащиты штаба МПВО города Фрунзе.

В конце автобиографии я увидел неразборчивые предложения и уверенную подпись, подпись настоящего героя - офицера майора Романенко. Еще несколько раз я перечитал отдельные строки из истории жизни прадеда. Чувство гордости овладело мной. Это ведь он, мой прадед, Романенко Андрей Яковлевич, внес немалый вклад в победу той кровопролитной войны.

Я бережно держал в руках истрепанные листы и ощущал, что это настоящая ценность, доставшаяся мне в наследие, что это память о родном человеке, о той далекой от меня войне. Мне кажется, самое страшное в войне - это воспоминание. Время уходит, жизнь меняется, а память остается с человеком. И я сохраняю эту память. Память о своем прадеде, Романенко Андрее Яковлевиче. Мне есть кем гордиться! А из пожелтевшего снимка мы сделали портрет прадедушки и повесили в моей комнате.

Алихандр Руданец

«Воспоминания...»

Тихий зимний вечер медленно шел к концу. Сегодня я ночую у моей любимой прабабушки. Маленькая уютная комната, посередине круглый старинный стол. Мы с бабулей пьем чай и обсуждаем прошедший день. Вдруг погас свет, видно что-то случилось на станции. Но нас это не огорчило. Бабуля принесла керосиновую лампу, умело ее зажгла. В комнате появился теплый пятнышко света. Маленькая моя старушка о чем-то задумалась, а потом неспешно начала свой рассказ...

- Знаешь, Лизонька, в такие вот вечера я часто вспоминаю свое детство. Я была чуть младше тебя, когда началась война. О ее начале объявили рано утром по радио. Всем было очень страшно. Отцы, старшие братья ушли на фронт. В станице остались старики, женщины и дети. Созрел урожай, пришла пора его убирать. Кузнец дядя Саша отбивал косы, а женщины ими косили. Мы, дети, собирали колосья. Комбайнов было мало, они в основном молотили зерно, поэтому вся работа легла на плечи женщин и детей. Мы и в школу-то в том году пошли только в октябре, потому что августе и сентябре

убирали рубахами подсолнечник. Потом жестяными банками носили семечки, которые выбивали на току вручную. Да и в октябре после уроков бегали на уборку кукурузы, работали на веялках.

Потом наступила зима. Было очень холодно и голодно. Практически все запасы были отправлены на фронт, для наших солдат. Мы ходили с мамами в лесополосы за дровами. Нужно было отопить не только свои хаты, но и школу. Никто не укрывался от работы: ни взрослые, ни дети. Скуцали за теми, кто был на фронте. Всей бригадой радовались за тех, кто получал письма, и плакали с теми, кому приходили похоронки. Мы ведь все друг друга знали. Да и в станице новости разлетаются быстро.

Понятно, что освещения не было. Светом служили каганцы. За огоньком внимательно следили, чтобы и себе был, и с соседями поделиться.

Бумаги не было. Писали на книгах и газетах (между строк и на полях). Было большим счастьем, если удавалось раздобыть чистый тетрадный лист. Зимой дети в колхозе не работали, нам находили другие занятия. Мы писали письма

на фронт, шили кисеты для бойцов Красной Армии, вяли для них варежки, готовили концерты для колхозников. Особо отличившимся в работе учащимся на школьных линейках объявляли благодарность.

Наступил 1942 год. В нашу станицу вот-вот должны были войти фашисты. Отступавшие красноармейцы должны были взорвать мельницу, но каневчане попросили этого не делать. И солдаты пожалели нас. Так была сохранена мельница, которая выручала нас и в годы войны, и потом еще много лет после ее окончания.

В мае 1945 года на школьной линейке наш директор громко и весело прокричал: «Ребята, война закончилась! Войне конец!» Что тут началось! Все ребята начали кричать, свистеть от радости, все обнимались и целовались. И никто не скрывал слез радости.

После Победы в станицу стали возвращаться отцы, братья, наши отважные солдаты. В дома возвращались радость и счастье.

В послевоенные годы жилось очень трудно. Младшие ходили в одежде

старших, на ноги надевали чуни, ели кукурузные лепешки,

чай заваривали из веточек вишни и малины. И поверь, Лизонька, вкуснее чая я с тех пор не пила. И, тем не менее, как бы ни было трудно, никто не сдавался, не опускал руки. Мы все, вся страна жили ожиданием счастливого будущего.

После школы я закончила Краснодарское педучилище и проработала в школе учителем начальных классов 37 лет. Но это уже совсем другая история...

Бабушка замолчала. В комнате воцарилась тишина. Слышно было, как тикают часы, как скрипнула где-то дверь, как ветер завывает за окном. А мы все сидели с ней молча, вспоминая и представляя эти трудные военные годы. И не было в тот миг людей ближе и роднее, чем мы. Я ученица четвертого класса Изотова Елизавета и моя прабабушка - Шаповалова Александра Дороевна.

Елизавета Изотова